

УДК 340.12
ББК 67.1

О СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОНИМАНИИ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

И.В. Ростовщиков, В.Д. Гончаренко

В данной статье дается краткая характеристика современных подходов к проблеме обеспечения прав человека на примере правового понимания пыток и других видов антигуманного обращения и наказания. Показана проблематика правового регулирования прав и свобод человека и гражданина, которая проявляется в негативных последствиях реализации населением своих прав в сфере безопасности личности. Доказана значимость ситуации с запретом применения пыток и других видов антигуманного обращения и наказания в Российской Федерации.

Ключевые слова: общественные отношения, права и свободы человека и гражданина, реализация прав и свобод, пытки, жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания.

Развитие современной России происходит на фоне целенаправленного решения задач по упрочению правовых начал общественной и государственной жизни. Одной из важнейших законодательных гарантий служит конституционное признание высшей ценностью человека, его прав и свобод, признание их в качестве основы деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем послании Федеральному Собранию особо подчеркнул огромную позитивную роль российской Конституции, которую она сыграла для демократического развития страны за 15 лет с момента ее принятия в 1993 году. Глава государства отметил, что сегодня российское общество подтверждает приверженность демократическим ценностям Конституции. Оно в основном освоило навыки, практики и процедуры демократии. И в отличие от недавнего прошлого демократическое устройство уже не ассоции-

руется у наших граждан с хаосом, бессилием, деградацией. Теперь вопрос не в том, быть или не быть демократии. Теперь вопрос стоит так: как должна развиваться дальше наша демократия [20]?

Вопрос понятия свободы от пыток и других видов антигуманного обращения и наказания находится в прямой зависимости от осмысления целого ряда категорий и элементов правового положения личности в целом. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что правовая возможность человека быть защищенным от пыток и жестокостей относится к правам первого поколения. Под ними признаются либерально-демократические ценности, получившие доктринальное обоснование в учении о естественных прирожденных правах человека, которые формулировались в период ранних буржуазных революций, непосредственно определяли характер конституционного законодательства в демократических странах, а в дальнейшем конкретизировались и расширялись в их законодательстве и практике. Речь идет о гражданских (личных) и политических правах и свободах. Именно они закреплялись в английском Билле о правах 1689 г., во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 г., в Билле о правах, внесенном в

Конституцию США в 1789 г. и ратифицированном в 1791 году.

Право на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее по тексту возможна замена на «свободу от антигуманного обращения или наказания». – *Авт.*) согласно характеру опосредуемых им благ всегда относилось и относится к основным гражданским (личным) правам и свободам человека. В свою очередь в их системе оно относится к специфической группе прав и свобод, характеризующихся возможностью личности посредством свободного волеизъявления распоряжаться собой, а также защищаться от незаконного вмешательства в сферу индивидуальной жизни, посягательства на нее. К этой группе относится также право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность жилища, право свободного выезда за пределы государства и беспрепятственного возвращения [15, с. 130].

Такого рода права и свободы характеризуются высокой моральной ценностью. Как верно отмечает А. Хеллер, «при простом перечислении прав от внимания наблюдателя ускользает один немаловажный факт. Дело в том, что нравственный подтекст прав со временем меняется так же, как меняется и нравственный смысл так называемых свобод. Да и сами права находятся в сложном отношении друг с другом: есть права основные и есть частные, вытекающие из основных. Только те права, которые находятся на верхушке иерархической лестницы, имеют абсолютную моральную ценность» [23, с. 7].

Естественные права и свободы человека напрямую связаны с сущностью правового государства. «Основной принцип правового, или конституционного государства, – писал Б.А. Кистяковский, – состоит в том, что государственная власть в нем ограничена. В правовом государстве власти положены определенные пределы, которые она не должна и не может преступить. Ограничение власти в правовом государстве создается признанием за личностью неотъемлемых, ненарушимых, неприкосновенных и неотчуждаемых прав» [11, с. 34]. С этих позиций свобода человека от пыток и от антигуманного обращения или наказания в системе его прав и сво-

бод традиционно признается таковой. Это есть очевидная естественная потребность каждого человека.

Всякое демократическое общество признает в теории и на практике важность существования во взаимосвязях государства и личности не только круга отношений, предусматривающих предоставление личности «права на действие» с целью пользования определенными благами, но также и отношений с невмешательством власти в жизнь индивида, то есть «права на свободу от» контролирующей человека «интервенции» государства и его органов. Концептуально такая позиция обосновывается давно. Та возможность индивидуального проявления личности, которая остается за вычетом ее правовых ограничений, – отмечал Г. Еллинек, – образует сферу свободы лица. Эта свобода имеет не только фактический характер. В силу ограничения государственной власти и признания личности она имеет правовую санкцию. Фактическое состояние свободы, в которой находится предоставленный самому себе человек, превращается в правовое состояние вследствие признания только ограниченного подчинения. Существование ограничений, являвшихся особенно тягостными для индивида, исторически обусловило требование признания определенных прав свободы. Принуждение в делах веры и цензура вызвали представление о свободе совести и печати; вследствие полицейского вмешательства и запретов стали требовать в качестве особых прав свободы неприкосновенности частного жилища, соблюдения почтовой тайны, права собраний и сходов и т. д. Мы имеем здесь дело не с отдельными правами, а только с особо признанными направлениями индивидуальной свободы, которая сама по себе едина и означает свободное от вмешательства государства состояние индивида. В силу такого своего положения лицо приобретает притязание на отмену всех нарушающих свободу распоряжений государства [9, с. 274].

Необходимо сделать оговорку, что личная (индивидуальная) свобода в науке обычно рассматривается в двух основных смыслах. Прежде всего, имеется в виду институт демократии; часть культурной, экономической, политической, правовой и иной социальной среды, в условиях которой свободно живет

человек; круг общественных связей, выражающих такие неотъемлемые от индивида блага, как честь, достоинство, личная жизнь; личная безопасность; личная неприкосновенность; физическая, моральная и духовная целостность и др. [6, с. 57; 15, с. 128–129; 16, с. 125]. В этом понимании личной свободы (в широком объективном смысле) демократическое правовое положение личности есть ее юридическая объективация, составная часть, где личность проявляет себя через реализацию неотъемлемых прав и свобод. Попутно заметим, что в социалистической юридической науке, где главенствовало отвергающее естественно-правовое понимание прав и свобод человека узкое позитивистское суждение о них, утверждалось, что «правовая свобода – это границы свободы человека, которые очерчены государством юридическими средствами», что свобода, сформулированная государством, является «фокусом всех других форм социальной свободы» [20, с. 47]. В демократическом обществе, напротив, сама свобода видится источником всякого права, масштабы которого подчинены свободе, которая, по мнению В.С. Соловьева, есть «самостоятельность человека в его деятельности» [19, с. 594].

Во-вторых (в узком смысле), личная свобода означает лишь возможность выбора личностью конкретных форм организации частной жизни и вариантов поведения на основе проявления собственной воли и без каких-либо произвольных ограничений, вмешательства или посягательства со стороны иных лиц или целиком государства. В правовом значении она выступает в виде закрепленной законом свободы индивида пользоваться определенным благом и находится в неразрывном единстве и взаимодействии с другими правами и свободами, прежде всего составляющими правовой статус личной свободы, то есть гражданскими. В концепции прав и свобод человека свобода индивида выступает как его право делать все, что не нарушает прав и свобод других лиц.

Естественные права человека Д. Локк не случайно связывал с его свободой, которая должна быть оберегаема в государстве, основанном на праве: «Свобода людей, находящихся под властью правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное пра-

вило для жизни, общее для каждого в том обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем» [14, с. 66]. Данное положение получило развитие в выводах И. Канта о взаимосвязи личности, права и государства. Его основополагающая идея о «правомерном» государстве заключалась в том, что гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к исполнению закона, которой обладает властвующий в его отношении к гражданину. «Наилучший строй тот, – писал И. Кант, – где власть принадлежит не людям, а законам» [10, с. 283].

В зависимости от времени провозглашения и содержания различных прав и свобод человека многие ученые делят их на три поколения. Правовая возможность человека быть защищенным от пыток и жестокого обращения, как уже говорилось, входит в группу прав первого поколения, включающих фундаментальные гражданские и политические права и свободы [4, с. 66–85]. Подавляющее большинство из них воплощают так называемую «негативную свободу» и, снова подчеркнем, обязывают государство воздержаться от вмешательства в сферы, регулируемые этими правами, то есть это «права на свободу от власти». Они стали известны под названием прав свободы [5, с. 290], позволяющих решать вопрос о границах государственной власти. Этим они главным образом отличаются от сформировавшихся позднее прав второго поколения – экономических, социальных и культурных, которые обычно требуют разностороннего обеспечения со стороны государства. Хотя, разумеется, в государственной поддержке известным образом нуждаются и гражданские (личные), и политические права и свободы человека и гражданина.

Примечательно, что многие юридические возможности первого поколения оформлялись в буржуазном конституционном законодательстве не в виде прав, а в виде свобод (слова, мысли, совести и др.). Провести жесткое разграничение между правами и свободами, особенно на современном этапе, весьма затруднительно. И те и другие предполагают основанные на законе притязания личности на соответствующие материальные, духовные и иные блага. Между тем одна немаловажная закономерность в смысле отли-

чий все же прослеживается. И это имеет определенный прикладной оттенок.

Под термином «право» обычно понимаются довольно конкретные дозволенные законом действия человека или его состояния. Например, право на жилище, на труд, на участие в управлении государством, на судебную защиту, на личную неприкосновенность, на признание невиновности до решения суда и др. Относительно свобод, что сложилось исторически и сохранилось в законодательстве многих демократических стран, традиционно устанавливаются лишь самые общие критерии и направления пользования индивидом благами, опосредованными свободами.

Как отмечает Б.С. Эбзеев, задачей науки конституционного права является установление критерия разграничения прав и свобод. По его мнению, в сравнении с субъективной свободой субъективное право есть более строгая мера дозволенного поведения и ограничивает всякое иное вне этой «меры» поведение с целью удовлетворения возникающих потребностей [24, с. 148, 149]. В правах личности с точки зрения их содержания на первый план выступает притязание на получение вполне определенного блага, на то, чтобы обязанная сторона совершила определенные действия, что позволило бы удовлетворить потребности правообладателя путем достаточно определенной активной реализации прав. В индивидуальных же свободах, по мнению В.А. Патюлина, на первый план выступает молчаливо предполагаемое требование личности ко всем и к каждому, включая государство, не препятствовать осуществлению ею свободной деятельности в сфере и пределах, очерченных нормами, закрепляющими свободы [18, с. 152].

Современный взгляд зарубежных ученых-юристов на субъективные свободы в целом аналогичен вышеизложенному. Так, по мнению французского ученого-конституционалиста Ф. Люшера, «свобода есть такое право, которое можно противопоставить другому лицу, впрочем, как и обществу в целом. Пользование ею предполагает воздержание других от препятствующих этому пользованию действий» [15, с. 82–83]. В итоге «следует трактовать свободу прежде всего как право требовать от других воздержаться от определенных действий» [там же, с. 83].

При определении отличий между правами личности и ее свободами все же нельзя считать, что те и другие, как элементы ее правового статуса, есть явления по существу разнорядковые. Любое конституционное право есть свобода гражданина в сфере определенных общественных отношений, а соответственно этому любая конституционная свобода – это право на создание условий, способствующих осуществлению этой свободы. При этом одна и та же юридическая возможность человека далеко не всегда однозначно фиксируется нормативно. Например, в законодательных актах разных стран встречаются совершенно идентичные по смыслу формулировки, такие как «свобода союзов» и «право на объединение». А субъективная свобода может даже включать в себя субъективное право. Так, по Конституции Российской Федерации (ст. 28) свобода совести и свобода вероисповеданий включает право исповедовать индивидуально или совместно с другими религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. В свою очередь субъективное право может иметь совершенно очевидное значение индивидуальной свободы. Характерным свидетельством тому ст. 26 Конституции Российской Федерации, где говорится: «Каждый вправе определять и указывать национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности».

Следует заметить, что в международном законодательстве, что встречается и во внутригосударственном, субъективные свободы довольно часто формулируются в виде «права на свободу», то есть права на свободные действия человека в той или иной сфере. Например, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [17, с. 39–43] записано, что «каждый имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций» (ч. 1 ст. 20), в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [там же, с. 53–68] – «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (ч. 1 ст. 18). Конституция Российской Федерации в рамках гарантируемой свободы слова (ст. 29) указывает, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать,

производить и распространять информацию любым законным способом».

Вышесказанное относительно законодательных формулировок некоторых основных правомочий индивида в сфере личной свободы непосредственно касается и права каждого на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Заслуживает внимания в этом смысле соотношение международно-правовых стандартов и конституционного законодательства России в правовом понимании и закреплении свободы от пыток и другого антигуманного обращения и наказания.

Часть 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации (1993 г.) звучит следующим образом: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Историческим предшественником указанной статьи была ст. 19 Декларации прав и свобод человека и гражданина РФ, которая выступает преемницей ст. 5 Всеобщей Декларации, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 3 Европейской конвенции.

В этой связи нельзя не вспомнить региональные и международные акты, которые, безусловно, внесли свой вклад в установление правовых основ свободы от пыток и других видов антигуманного обращения и наказания, дополняя универсальные международные способы его гарантирования.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [17, с. 539–570] не в рекомендательной, а в обязательной форме закрепила: «Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию» (ст. 3). Однако в отличие от Всеобщей декларации прав человека она исключила из содержания названного права жестокое обращение и наказание.

Хотелось бы напомнить, что одним из первых научных определений пытки является определение, данное Цезаре Беккария в известном сочинении «О преступлениях и наказаниях» 1764 года. В этой работе пытка опре-

деляется как действие, «производимое над обвиняемым в период следствия, производимого по его делу, или для того, чтобы вымучить у него признания в преступлении, или для того, чтобы объяснить противоречия, сделанные им при допросе, или чтобы принудить его к показанию соумышленников, или для открытия других преступлений, в которых его не обвиняют, но в которых он может быть виновен, или Бог знает для какой метафизической и непонятной необходимости очистить поругание» [2, с. 96–97].

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) [12, с. 454] в ст. 1 дает более полное определение пытки, раскрывая содержание этого понятия как «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признание, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».

Следует подчеркнуть, что понятие «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» выступает в качестве оценочного. В юридической литературе под оценочным понятием рассматриваются фиксирующие наиболее общие признаки обобщаемых правозначимых явлений и интерпретируемые путем оценки в процессе правоприменения понятия. При этом они, как правило, относятся к группе общеупотребительных понятий, основанием которых выступают этические нормы.

Ни международные, ни региональные, ни внутригосударственные правовые акты не содержат нормативного определения понятия «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание». Однако в Генеральной Ассамблее ООН считают, что его следует истолковывать таким об-

разом, чтобы предоставлялась по возможности наиболее широкая защита от злоупотреблений как физического, так и психологического характера (Комментарии к ст. 5 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и принципу 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме).

В процессе интерпретации оценочных понятий велика роль доктринального толкования, а также судебной практики. Исходя из этого, важное значение в толковании понятия «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» принадлежит правоприменительной практике международных и региональных органов, а также судебной практике отдельных государств.

При рассмотрении дела «Ирландия против Великобритании» (1978 г.) Европейский суд по правам человека обратил внимание, что для констатации нарушений положений о запрете пыток на практике должно быть выявлено достижение минимального уровня жестокости, учитывая некоторые факторы, такие как пол, возраст и состояние здоровья жертвы, а также продолжительность такого обращения, его физические и нравственные страдания [21, с. 162]. Таким образом оценка этого минимума носит относительный характер.

Вместе с тем Европейский суд не признал в качестве пытки действия, сочетающие в себе пять следующих способов:

- 1) заставляя подозреваемых стоять у стены в течение многих часов в чрезвычайно неудобном положении;
- 2) заставляя подозреваемых надевать на голову капюшон во время допросов;
- 3) лишая подозреваемых сна;
- 4) подвергать подозреваемых шумовому воздействию и
- 5) лишая подозреваемых необходимой пищи и питья.

При этом четыре судьи Европейского суда высказали мнение, что комбинированное использование пяти методов представляет собой практику бесчеловечного обращения и пыток, так как применение их причиняет крайне сильные физические, душевные и психические страдания, неизбежно попадающие даже под самое строгое определение пытки, и является типичным примером пыток в со-

ответствии с международными стандартами [8, с. 142, 146, 147].

Хотелось бы подчеркнуть, что международно-правовые акты проводят разграничение между антигуманным обращением и антигуманным наказанием. Общим для них является то, что они выступают неправовой формой государственного принуждения. При этом если первое носит предупредительный или обеспечительный характер с точки зрения лица, совершающего эти действия, то второе выполняет функции государственных санкций.

Будучи международно признанным правом человека и нормативно-закрепленным Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах, исследуемое право может иметь конституционную форму и должно рассматриваться в качестве основного гарантированного права человека и гражданина. Анализ конституционного развития Российской Федерации и зарубежных государств показывает на явно выраженную тенденцию к закреплению в Основных законах вышеназванного права, несмотря на определенные расхождения в формах выражения его содержания в конституциях этих стран.

Вместе с тем необходимо заметить, что конституционные реформы, проводимые в современный период, придают исследуемому праву характер самостоятельного основного права, наряду с правами на жизнь, на уважение достоинства, на свободу и неприкосновенность личности. Это объясняется возросшим значением международного права в процессе регулирования свободы личности в рамках правовой системы государства, признанием странами прав человека и принципа примата международного права над внутренним.

Конституция Российской Федерации 1978 г. в своей первой редакции не предусматривала в качестве основного право на свободу от пыток и других видов антигуманного обращения и наказания. Свое конституционное признание названное право получило в результате политических реформ в стране, выразившихся в принятии 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РФ Декларации прав и свобод человека и гражданина [7], положения которой непосредственно вошли затем в текст Конституции России.

В соответствии с п. 4 ст. 8 настоящей Декларации закрепляется: «Никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без его добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Данная формулировка права была полностью воспроизведена ч. 3 ст. 59 в последней редакции Конституции РФ 1978 г. и сохранена в новой Конституции Российской Федерации, принятой всенародным референдумом 12 декабря 1993 года. Следует отметить, что все проекты конституций РФ, подготовленные в 1990–1993 гг., содержали указанное право.

Конституционное регулирование свободы личности выступает в форме высшего вида правового регулирования, которое не может сводиться лишь к закреплению прав и свобод в Основном Законе, так как определяет основы прав и свобод личности, принципы правового регулирования личной свободы и закладывает базу отраслевого регулирования в данной области. Отнесение изучаемого права к институту конституционных прав и свобод придает ему особый юридический характер по отношению к отраслевым правам и свободам.

В этой связи хотелось бы обратить внимание, что высшая юридическая сила данного права predetermined не только конституционной формой его закрепления. В иерархии правовых норм Конституция России поставила на высший уровень нормы о правах и свободах человека и гражданина (п. 1 ст. 17), которые «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18). В результате с полным основанием можно говорить о примате общепризнанных норм о правах человека в правовой системе России, включая исследуемое право.

Представляется необходимым дать анализ особенностям конституционно-правовой формы закрепления этого права, который позволяет выявить следующее.

Во-первых, Конституция РФ не в должной мере отражает значимость этого права, устанавливая его в п. 2 ст. 21, вслед за утвер-

ждением права человека на охрану его достоинства (п. 1 ст. 21).

Во-вторых, характеризуя запрет соответствующего обращения и наказания, действующая Конституция России, в отличие от международно-правовых актов, не использует такой признак, как «бесчеловечное», но в то же время дополняет понятие «достоинство» признаком «человеческое».

В-третьих, как большинство международно-правовых документов, так и названная Конституция относят пытку к особому виду жестокого (бесчеловечного) или унижающего (человеческое) достоинство обращения или наказания.

В-четвертых, конституционные нормы закрепляют запрет насилия в качестве вида антигуманного обращения или наказания, таким образом изменяя объем содержания исследуемого права и расширяя круг субъектов данного правонарушения.

Требуется указать, что п. 2 ст. 21 Конституции РФ включает в себя две нормы, сформулированные следующим образом: 1) «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию»; 2) «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Закрепление одновременно двух норм в п. 2 ст. 21 Конституции РФ объясняется тем, что первая из них по отношению к другой является общей нормой, она регулирует определенный род общественных отношений, в то время как вторая учитывает особенности соответствующего вида общественных отношений при регулировании и выступает в качестве специальной нормы.

По способу правового регулирования эти нормы являются регулятивными, запрещающими. Запрет антигуманных видов обращения и наказания отражает внешнюю форму закрепления исследуемого права, негативный способ его формулирования [13, с. 72–73].

Относительно структуры запрещающих норм в правовой литературе высказываются различные мнения. Некоторые авторы считают, что норма в своей структуре имеет три элемента: гипотеза, диспозиция и санкция (см.: [1, с. 109–110; 3, с. 24] и др.). Известны взгляды, когда структура запрещающей нормы рас-

считается в различных вариантах как двучленная: гипотеза и диспозиция; гипотеза и санкция или диспозиция и санкция. Следует отметить, что предложенная общетеоретическая конструкция запрещающих норм на основании выделения трех основных элементов является логической.

Можно согласиться с мнением ряда авторов, что гипотеза должна присутствовать в норме-предписании в качестве обязательного элемента, так как указывает на условия реализации нормы, связывающие правовые нормы с реальной жизнью [22, с. 333–348; 25, с. 75]. С этой точки зрения гипотеза, выраженная в первой норме п. 2 ст. 21 Конституции РФ, определяет юридические факты, необходимые для непосредственной реализации правовой нормы, закрепляющей исследуемое право. Это любые факты обращения или наказания независимо от субъекта, места и времени их совершения. При этом по своему строению данная гипотеза является альтернативной, так как предусматривает несколько обстоятельств, наступление одного из которых является условием действия правовой нормы (факт «обращение» или факт «наказание»).

Что касается второй правовой нормы, закрепленной в п. 2 ст. 21 Конституции РФ, то необходимо указать, что ее гипотеза представлена в форме «медицинские, научные и другие опыты», где в качестве юридических условий определяются факты проведения названных опытов.

Вторым элементом структуры правовой нормы выступает диспозиция, указывающая на юридические последствия, которые наступают при наличии предусмотренных правовыми нормами условий. При этом диспозиция является ведущим элементом и в структуре запрещающей нормы. Она отображает запрещаемое поведение и в негативном виде обозначает модель вытесняемого общественного отношения. Таким образом, диспозиция первой рассматриваемой нормы выражена в запрете особой формы обращения и наказания, а именно «пытка, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения или наказания». По своему составу эта диспозиция представлена как альтернативная, так как предусматривает наступление одного из несколь-

ких сформулированных в норме правовых последствий.

Диспозиция второй анализируемой нормы также выражена в форме обязательности соблюдения запрета проведения медицинских, научных и иных опытов без согласия на них подвергаемых лиц.

Следовательно, юридическая природа исследуемого права характеризуется тем, что для реализации этого права требуется наличие отношений, опосредующих любые формы обращения или наказания, но непосредственное использование в полном объеме всех правомочий, содержащихся в данном праве, предусмотрено в случаях несоблюдения запрета антигуманного обращения и наказания, то есть нарушения запрещающей нормы, закрепляющей данное право.

Санкции вышеуказанных конституционных норм не находят своего выражения в п. 2 ст. 21 Конституции РФ, но в соответствии с принципом, закрепленным в п. 1 ст. 45: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется», содержатся в статьях действующего законодательства, предусматривающего различные виды мер юридической ответственности в зависимости от последствий нарушения права.

Можно сделать вывод, что рассматриваемые конституционные нормы по своей структуре, определенной п. 2 ст. 21 Конституции РФ, являются двучленными и имеют в своем составе гипотезу и диспозицию. При этом логический анализ законодательства позволяет через единство регулятивных (запрещающих) и охранительных норм раскрыть процесс обеспечения данных конституционных норм государственным принуждением (санкциями). Поэтому с логической точки зрения можно согласиться, что эти нормы предусматривают в своей структуре и такой элемент, как санкции.

Право на свободу от пыток и другого антигуманного обращения или наказания обеспечивает физическую, нравственную и духовную целостность личности, выступая одной из форм проявления права личной безопасности. Так, п. 1 ст. 5 Американской Конвенции о правах человека гласит: «Каждому лицу принадлежит право на уважение его физической, ду-

ховной и моральной целостности», а п. 2 данной статьи закрепляет запрет антигуманного обращения или наказания. При этом первое право по отношению ко второму (общему) должно рассматриваться как специальное.

Поэтому нелогичным представляется конституционное закрепление исследуемого права в рамках выражения такого права, как право на охрану личного достоинства (ст. 21 Конституции РФ), так как исследуемое право предполагает не только обладание нравственной, но также физической и духовной безопасностью.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что при отсутствии конституционного закрепления права личной безопасности исследуемое право должно иметь самостоятельную форму конституционного выражения вне зависимости от закрепления в Основном Законе права на охрану личного достоинства и права личной неприкосновенности. Только такая конституционная форма закрепления может соответствовать международным стандартам (ст. 5 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 361 с.
2. Беккария, Ч. Рассуждения о преступлении и наказании / Ч. Беккария. – М. : Инфра-М, 2004. – 184 с.
3. Братко, А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 91 с.
4. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. – М. : Норма, 2008. – 448 с.
5. Гессен, В. М. О правовом государстве / В. М. Гессен // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 5. Россия конца XI – XX в. – М. : Мысль, 1999. – 830 с.
6. Гулиев, В. Е. Социалистическая демократия и личные права / В. Е. Гулиев, Ф. М. Рудинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 192 с.
7. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.
8. Дженис, М. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии) : пер. с англ. / М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли. – М. : Права человека, 1997. – 640 с.
9. Еллинек, Г. Право современного государства. В 3 т. Т. 1. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб. : Изд. Н. К. Мартынова, 1903. – 532 с.
10. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 4 / И. Кант. – М. : Мысль, 1978. – 569 с.
11. Кистяковский, Б. А. Лекции по государственному праву (Общее и особенное) / Б. А. Кистяковский. – М. : Тип. «Московская», 1908. – 432 с.
12. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // СССР и международное сотрудничество в области прав человека : документы и материалы. – М. : Междунар. отношения, 1989. – С. 384–397.
13. Конституционное (государственное) право зарубежных государств. В 4 т. Т. 1. – М. : БЭК, 2004. – 246 с.
14. Локк, Д. Избранные философские произведения / Д. Локк. – М. : МОНФ, 1960. – 481 с.
15. Лукашева, Е. А. Социалистическое право и личность / Е. А. Лукашева. – М. : Наука, 1987. – 155 с.
16. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер. – М. : Прогресс, 1993. – 384 с.
17. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 294 с.
18. Международные акты о правах человека. – М. : Норма-Инфра, 1999. – 784 с.
19. Патюлин, В. А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений) / В. А. Патюлин. – М. : Наука, 1974. – 246 с.
20. Российская газета. – 2008. – 6 нояб. – С. 1–2.
21. Соловьев, В. С. Соч. В 2 т. Т. 1 / В. С. Соловьев. – М. : Правда, 1990. – 474 с.
22. Социалистическая концепция прав человека. – М. : Наука, 1986. – 222 с.
23. Судебное решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства от 18 января 1978 г. – Series A. – № 26. – P. 65, para 162.
24. Теория государства и права. – М. : Юрид. лит., 1985. – 376 с.
25. Хеллер, А. Свобода как высшая идея / А. Хеллер // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 2. – 1994. – С. 5–13.
26. Эбзеев, Б. С. Конституция. Демократия. Права человека / Б. С. Эбзеев. – М. : Пул, 1992. – 228 с.
27. Явич, Л. С. Право и общественные отношения / Л. С. Явич. – М. : Юрид. лит., 1971. – 152 с.

**ABOUT MODERN LAW CONCEPTION OF INVESTIGATIVE TORTURE
AND OTHER CRUEL, INHUMAN OR DEGRADING TREATMENT
OR PUNISHMENT**

I.V. Rostovschikov, V.D. Goncharenko

This article provides a brief description of current approaches to the problem of human rights for example, legal understanding of torture and other inhumane treatment or punishment. The article shows the problems of legal regulation of rights and freedoms of man and citizen, which is manifested in the negative impacts of the population of their rights in the field of human security. It shows the significance of the situation with the prohibition of torture and other inhuman treatment or punishment in the Russian Federation.

***Key words:** public relations, human rights and freedoms and civil rights, implementation of rights and liberties, torture, cruel, inhuman or degrading treatment or punishment.*